



В. ВОИНИЧЕВСКИЙ

БОЛЬШАЯ  
БАРЫНЯ

# Василий Александрович Вонлярлярский

## **Байя** (Рассказы)

Василий Александрович Вонлярлярский (1814–1852) – популярный русский прозаик середины XIX века.

Зарубежные впечатления писателя лежат в основе рассказа «Байя»

Впервые в кн.: Раут. Литературный сборник в пользу Александрийского детского приюта. Издание Н. В. Сушкова. М., 1851, с. 64–75. Фрагменты чернового автографа сохранились в ГАСО (ф. 1313, оп. 2, ед. хр. 17, л. 32–33 об., 34 об.-35 об.).

# Содержание

#1 .....	0005
ПРИМЕЧАНИЯ .....	.0020

**Василий Вонлярлярский  
Байя**

Ежели когда-нибудь судьба забросит вас в Алжир и удушливый сирокко навевает на вас грусть и тоску, пройдите после солнечного заката по Королевской площади, полюбуйте на лазурный залив, на изумрудный берег мыса Матифу и, выпив полчашки кофе в *Café de la Bourse*, ступайте по направлению улицы Бабемозт. На углу первого переулка спросите у лежащих арабов: где улица Локдор? Арабы улыбнутся, отчего медные лица их сделаются еще безобразнее, и все они в один голос скажут вам, чтобы вы шли по переулку прямо, потом, взойдя по узким ступеням, повернули бы сорок раз направо, и сто раз налево, а там, если будет у кого спросить, то спросили бы, и вам укажут улицу Локдор. Улица Локдор заставит улыбнуться арабов потому, что на ней живет красавица Байя; а к Байе ходит – любоваться на нее – все, что есть богатого и знатного в Алжире, и никто еще не выходил от Байи, не унося уверенности, что Байя превосходит красотой всех земных гурий Востока. В жилах одалиски течет благородная кровь Гусейн-паши, последнего алжирского дея; четырнадцатую весну поэтической жиз-

ни своей встретила Байя в полном и роскошном развитии, с глазами, на блеск которых больно было бы смотреть, если б глаз этих не оттеняли густые и черные ресницы, — с грудью белою, как пена, и с длинными великолепными косами, черными, как крыло ворона. Одежда одалиски состоит из золотистой ткани, покрытой жемчужною корою, испещренною мириадами самоцветных камней. До детской ножки ее едва касается алой башмачок, с загнутым кверху носком. Байя улыбается, не смеясь; Байя говорит по-французски и делает такие ошибки, из которых каждая может свести с ума бедного смертного; так очаровательно милы эти ошибки! Пять лет назад, вам не трудно было бы узнать ее жилище в улице Локдор. Против самых окон Байи, у грязных дверей мавританского дома, вы заметили бы безобразного бедуина, сидящего у столика, покрытого кучею сигар; кровавые глаза бедуина проводили бы вас к ней с выражением адской ревности; глаза эти встретили бы вас на возвратном пути с ненавистью, понятною только в Африке. Бедуина звали Джевулом, сигары, которые продавал он, принад-

лежали его благодетелю Филиппу Россу, отставному ветерану французской службы. Не знаю, замечала ли Байя страстно-наблюдательные взоры 15-летнего Джевула, но знаю, что старый Филипп, пересчитывая каждый вечер сигары и вырученные деньги, постоянно замечал недочет в тех и других. Он спросил однажды у Джевула: «Ты куришь?» – «Нет!» – отвечал Джевул. На следующий вечер Филипп перечел снова и деньги и товар, оказался тот же недочет. «Джевул, ты негодай!» – сказал ветеран. «Нет!» – отвечал Джевул, бледнея. Старик вошел в дом и несколько минут спустя вышел из него с ременной арабскою плетью в руках. Увидя это, Джевул опустил правую руку в карман широких шаровар своих. Старик взял Джевула за ворот кисейной рубашки, нагнул его смуглую шею и взмахнул плетью! Джевул раскрыл нож и замахнулся. Ремень плети свистя опустился на спину Джевула, и в тот же миг проколотый насквозь старик пал полумертвый. Обоих взяли; но оба были правы; старик не досчитывался денег, Джевул не курил и не крал, а засматривался на Байю; а в это время мальчиш-

ки таскали сигары; вот и все.

То было в первых числах октября 1846 года.

Прошло два месяца, и в конце декабря алжирский журнал «L'Akhbar» возвестил жителям города о первом представлении «Двух Маргарит» на сцене алжирского театра к 7 часам следующего вечера, и о первом заседании Cour d'Assises[1] по делу Джевула к 7 часам утра.

На оба представления собралось множество зрителей. За час до восхождения солнца зала суда наполнилась уже любопытными, а ровно в 7 часов говор умолк и секретарь присутствия прочел собранию мелко исписанную тетрадь об умышленном убийстве Филиппа Росса бедуином Джевулом. Окончив чтение, секретарь сложил тетрадь и сел, а президент назвал подсудимого по имени.

Джевул, сидевший между двумя жандармами, встал с своего места.

– Твое имя? – спросил президент.

– Настоящего не знаю! – отвечал подсудимый

– Твои лета и твоя родина?



– Не знаю.

– Ты обвинен в умышленном покушении на жизнь Филиппа Росса?

Джевул молчал.

– Преступление твое ужасно, тем более, что Филипп Росс был твоим благодетелем, – сказал президент. Джевул улыбнулся. – Преступление твое ужасно тем более, – продолжал президент, – что Филипп Росс, как известно, был к тебе всегда снисходителен и добр. Причина же его справедливого негодования, как ты сам знаешь, была более чем основательна. Ты употребил во зло его доверенность и прежде, чем покусился на жизнь, покушался на его собственность.

– Я не покушался на его собственность! – сказал отрывисто Джевул.

– Господа свидетели! – воскликнул президент.

Женщина пожилых лет, сидевшая на первой скамье между зрителями, встала со своего места.

– Имя ваше? – спросил президент.

– Амелия Росс!

– Что вы имеете сказать о подсудимом?

– Я жена Филиппа, – отвечала женщина, – и утверждаю, что Джевул постоянно замечен был в утрате выручаемых денег за доверенный ему мужем моим товар, и что это самое обстоятельство понудило Филиппа прибегнуть к строгим мерам, на что, впрочем, муж мой решился в первый раз, так он был слаб и добр к неблагодарному.

*Президент:* Имеет ли подсудимый сказать что-нибудь в свое оправдание?

*Джевул:* Нет, ничего не имею.

*Президент:* Господа прочие свидетели! Несколько человек встало с своих мест.

*Президент:* Прошу вас говорить по очереди.

*1-й свидетель, человек лет 40, глупой наружности:* Господин президент! все, что сказала госпожа Росс, совершенная правда.

*Президент:* Имеете ли вы прибавить что-нибудь?

*1-й свидетель:* Я говорю, господин президент, что госпожа Росс сказала сущую правду.

*Президент:* Второй свидетель! Ваша очередь.

*2-й свидетель (мучной торговец):* Я, госпо-

дин президент, считаю священной обязанностью, как перед богом, то есть, перед совестью и всем, как для меня, так и для всякого, и для вас, господин президент, вот что!

*Президент (с нетерпением):* Прошу вас не терять слов.

*2-й свидетель:* Я, господин президент, говорю и готов говорить ясно; потом, не только в таком деле и в таком месте, и при таких обстоятельствах, и в присутствии, то есть, всех и вас, господин президент, решающих, по сущности, дела всякого, и участь всякого, по делам и поступкам...

*Президент (с возрастающим нетерпением):* Еще раз, милостивый государь, изъяснитесь короче.

*2-й свидетель:* Прежде всего, господин президент, я, как уже имел честь объяснить тут пред всеми и вами, господин президент, что долгом, честному человеку свойственным, считаю...

*Президент:* Но что же наконец?

*2-й свидетель:* Что в то время, как убийство или не убийство, потому что Филипп Росс не убит, а только ранен и, благодаря ме-

рам правительства, чувствует в некотором роде даже облегчение от раны, и сильную слабость...

*Президент:* В последний раз прошу объясняться короче.

*2-й свидетель:* Я и говорю, господин президент, что, как во время этого дела, или во время этого преступления, находясь в Мустафе, то есть в полуторе миле от места происшествия...

*Президент:* Следовательно, вам сказать нечего.

*2-й свидетель:* Именно, господин президент! тем более, что, по месту моего жительства, весьма отдаленного, я не мог наблюдать за предварительным ходом этого дела, но не менее того нахожу...

*Президент:* Довольно; извольте сесть на свое место. Господин генеральный адвокат! Слово принадлежит вам!

Речь генерального адвоката была и длинна и напыщенна. В ней почтенный защитник прав старался сделать из несчастного Джевула не только злоумышленного убийцу, но человека, виновного в предательстве, в чудо-

вищной неблагодарности, похищении чужой собственности, и заключил тем, что за подобные преступления приличного наказания придумать невозможно, потому что до сих пор существующие законы и слабы и неудовлетворительны. По окончании речи президент вызвал адвоката подсудимого; но как у бедного Джевула такого не оказалось, то и защищал его один из очередных адвокатов Палаты. В защите этой упомянулось слегка о молодости подсудимого, о восточных нравах, допускающих месть, и тому подобное. В заключение же, хотя адвокат и находил преступление важным, но убеждал судей быть снисходительными. Защитник умолк, а присяжные встали с своих мест и медленно вышли из залы.

Джевул, сидевший между двумя жандармами, горько плакал. Никогда еще преступник не возбуждал так мало участия в присутствующих, как в этот раз; он был одинок и незащищен посреди равнодушной толпы. Сопровождение присяжных продолжалось не долго, показания были положительны, преступление тяжко, оправданий никаких, защиты ни-

откуда, и потому, когда президент, приняв бумагу из рук секретаря, встал с своего места и громко провозгласил, что Джевул приговорен к казни, никто из присутствующих не оказал ни удивления, ни ужаса. Но вдруг позади толпы произошло страшное волнение: «Остановитесь!» – закричал кто-то у входа в залу. Толпа расступилась и пропустила человека, лет пятидесяти, худого и бледного, как труп. Человек этот не прошел, а пробежал пространство, отделявшее его от президента, и прежде чем последний успел оказать какое-либо сопротивление, вырвал у него из рук смертный приговор Джевула и разорвал в клочки.

– Остановите этого человека! – воскликнул испуганный президент.

– Не нужно, – отвечал старик. Он был так ужасен, что жандармы остались, как прикованные к своим местам.

– Я, – продолжал незнакомец, – отставной солдат и гражданин Франции, объявляю здесь в присутствии всех членов суда и королевского прокурора, что бедуин Джевул Али Махмет, приговоренный к смертной и постыдной казни за убийство Филиппа Росса,

невинен!

Вся толпа дрогнула от изумления.

– Но кто же вы? – спросил президент.

– Я Филипп Росс! – отвечал незнакомец.

– Вы защищаете преступника?

– Джевул невинен. Президент, клянусь честью!

Волнение между присутствующими усилилось.

*Президент:* Он убийца!

*Филипп:* Убийца – я!

При этих словах взоры присутствующих обратились на Филиппа Росса, стоявшего гордо и спокойно против места, занимаемого президентом.

*Президент:* Вы больны, Филипп Росс! Мозг ваш не в порядке. Приговор прочтен, присутствие кончилось (*президент взял за колокольчик*).

*Филипп:* Господин Президент! я требую допроса.

«Допрос! Допрос!» – раздалось в толпе, и вся зала огласилась страшными криками. Президент подал знак к молчанию.

*Президент (обращаясь к Филиппу):* Ваше

имя?

*Филипп:* Филипп Антоний Росс!

*Президент:* Ваши лета?

*Филипп:* Пятьдесят два года и два месяца.

*Президент:* Место рождения?

*Филипп:* Руан.

*Президент:* Что имеете вы сказать в оправдание бедуина Джевула?

*Филипп:* В мое обвинение очень много.

*Президент:* Объяснитесь.

*Филипп:* Господин Президент! я находился в числе тех людей, которых вице-адмирал Дюперре высадил на африканскую землю, в числе тех, которые имели честь водрузить своими руками первое французское знамя на бруствере крепостцы Императора, и с торжеством войти в стены побежденного Алжира 5 июля 1830 года. Крестом этим прикрыл мне рану генерал Бурмон, господин президент!

*Президент:* Вы купили его ценою вашей крови.

Филипп горько улыбнулся, глубоко вздохнул и, не отвечая на лестное замечание президента, продолжал.

«Наступила осень, и французско-африкан-



ские войска перешли под начальство генерала Клозеля. В одну из экспедиций нам удалось загнать на обнаженный холм несколько сотен беззащитных бедуинов. Голодная, изнуренная и безоружная горсть людей в рубищах дралась против 10000 наших; упоенные недавнею победою, мы резали все, что было перед нами; но солнце скрылось, дела не сочли нужным продолжать, и ударили отбой. Солдаты улеглись вокруг костров, часовых расставили по холмам, и все утихло; лишь изредка тишину темной ночи нарушали писк шакалов и стоны умирающих. Около полуночи один из часовых окликнул кого-то; но выстрел не раздавался, и мимо меня проскользнула тень; я приподнял голову и схватил ружье. „Не тронь, это женщина!“ – закричал мне часовой, продолжая ходить мерным шагом вдоль своей дистанции. Несчастливая, заметив движение мое и блеск оружия, остановилась и, упав на колена, простерла ко мне руки; я немедленно приподнял ружье и стал целиться. „Не тронь!“ – повторил часовой. Было поздно; курок щелкнул, и несчастная вскрикнула. В тот же миг раздался плач младенца; я

вскочил, подбежал к моей жертве; удар был меток, и пуля, зацепив грудного ребенка, прошла через грудь матери. Борясь со смертью, бедуинка прятала сына на окровавленной груди, и не имея сил говорить, потому что кровь лилась изо рта у нее ручьями, она целовала ноги мои, она рыдала, она...

Случалось ли вам, господин президент, видеть у ног ваших подстреленную вами мать и мать, молящую вас же о сыне, младенце? Сын этот, младенец этот – Джевул. Казните же его, господа судьи!» – закричал с неистовством старик Росс, бросаясь на грудь Джевула, который, рыдая, принял его в свои объятия.

Президент не отвечал ни слова и закрыл лицо руками; присяжные вышли вторично из зала заседания; а глаза всех присутствующих отуманились невольными слезами.

Через час Филипп Росс и Джевул возвращались домой. Старик смеялся.

– Ну, растолкуй же мне, Джевул! – сказал весело Филипп своему питомцу, – ведь мне сказали, что товар твой таскали мальчишки; где же были твои глаза? и на что же ты смотрел?

– На Байю, – отвечал Джевул.

# ПРИМЕЧАНИЯ

**В**первые в кн.: Раут. Литературный сборник в пользу Александрийского детского приюта. Издание Н. В. Сушкова. М., 1851, с. 64–75. Фрагменты чернового автографа сохранились в ГАСО (ф. 1313, оп. 2, ед. хр. 17, л. 32–33 об., 34 об.-35 об.).

С. 338. *Улица Бабемозт* – может быть, имеется в виду улица Баб-эль-Уэд (центральная улица, идущая от Королевской площади).

*Гурия* – по мусульманским верованиям, райская дева, красавица, служащая наградой правоверным.

*Гусейн-паша* (правильнее: Хусейн) – правитель янычарского государства в Алжире (дей), выехавший с семьей летом 1830 года, после захвата страны Францией (умер в Александрии в 1838 году). Действие рассказа происходит в октябре 1846 года, следовательно, четырнадцатилетняя Байя, в жилах которой текла кровь дея, могла быть лишь его внучкой или правнучкой.

С. 339. «*L'Akhbar*» – оплачиваемая французским правительством газета, издававшаяся в

Алжире на французском языке.

С. 340. *Президент* – председатель суда (от франц. president).

С. 341. *Мустафа* – предместье города Алжира.

*Генеральный адвокат* – помощник прокурора (а не адвокат!) судебной палаты (от. фр. general advocate).

*...один из очередных адвокатов...* – дежурный адвокат.

С. 342. *...Никогда еще...* – В рукописи это место выглядело так: «Никогда еще не возбуждал преступник так мало участия в присутствующих и так много во мне, как в этот раз! Не быв французом, я не смотрел на бедуина Джевула, как на врага моей нации; он был так одинок среди этой равнодушной толпы, он был так незащищен, что, смотря на него, мне невольно становилось грустно».

*...отставной солдат и гражданин Франции...* – В черновике говорящий именовал себя также кавалером ордена Почетного легиона.

С. 343. *...Руан.* – В рукописи диалог далее сбивался в анахронизм, но приобретал публи-

цистический накал.

*«Президент: Образ жизни?»*

*Филипп: до 30 лет я был покорным сыном строгого и честного отца и славной старой матери. В 30 лет я лишился отца и, забыв обязанности сына и честного человека, сделался разбойником!*

*Президент: Объяснитесь!*

*Филипп: Я бросил мать и последовал за принцем Орлеанским!*

*Президент: Вы поступили на службу и сделались солдатом!*

*Филипп: Я взялся за оружие не для защиты родины, не поневоле, а взялся за него как тать или вор, как грабитель. – Нужна была война королю. Понятно, ценою крови нашей купил он детям и славу и народную известность, но я, я бросил мать, мать дряхлую, и для чего же?»*

*Дюперре* Гай Виктор, барон (1775–1846) – французский адмирал, командовавший в 1830 году флотом, отправленным на захват Алжира.

*Крепостца Императора* – важнейшее укрепление города Алжира, находившееся

«прямо над городом, над которым господствует» (Ратков В. Алжир. – Морской сборник, 1857, № 8, с. 7).

*Бурмон Луи Огюст де, граф* (1773–1846) – военный министр Карла I, один из инициаторов захвата Алжира, лично возглавлявший высадившуюся там в июне 1830 года французскую армию.

*Клозель Бертран, граф* (1772–1842) – генерал, дважды командовавший французским войском в Алжире. В рассказе имеется в виду первое его командование – с августа 1830 по февраль 1831 года.

# Примечания



Суд присяжных (фр.).

[^^^]